

Ученые часто используют слова, чтобы вредить людям. Например фраза "внезапно услышав рев льва на востоке, я растерялся и уронил свой посох в воду", уже навредила немалому количеству людей Улинь.

*П/п: Судя по всему, эту фразу используют, когда говорят о трусливых жалких людях.

Услышав рык льва, неужели посох так просто упадет в воду? Львиный рык Лэй Мина тяжело ранил по меньшей мере семнадцать мастеров Улинь и полностью уничтожил внутреннюю силу двенадцати мастеров праведного пути.

За девятнадцать лет славы у Лэй Мина набралось двадцать девять неслабых врагов, но кроме этих двадцати девяти, большинство оставшихся были убиты львиным рыком. Люди, у которых нет жизни, вообще никогда не должны появляться, — так думал Лэй Мин.

Поэтому он не считал, сколько человек погибло от его львиного рыка за последние годы.

Уже был самый разгар лета.

В полдень багровое солнце заняло весь небосвод, жара была настолько сильной, что ни одно облако не осмеливалось появиться на небе.

Маленькая желтая собачка тяжело пыхла в тени, вывалив язык. Даже цикадам на деревьях было слишком жарко, чтобы издавать какие-то звуки.

В это время Лэй Мин попросту рыгал, лежа в роскошном заднем дворе. Слуги доставали несколько больших кусков льда из подземного холодного погреба и раскладывали по углам, чтобы немного охладить воздух. Служанки тихо стояли на коленях рядом. Одна массировала ему ноги, а вторая обмахивала веером.

Недавно выкупленная наложница тоже была при нем. Она осторожно очищала виноградины, вымоченные в ледяной воде и с легкой улыбкой подносила их к его рту.

Больше всего Лэй Мин любил наслаждаться мгновениями тишины, а если кто-то осмеливался потревожить его в это время, ничем хорошим обычно это не заканчивалось.

Конечно же, есть и особые времена.

Сегодня, например.

Сегодня все еще было жарко. Лед все так же вынимали и раскладывали по углам, чтобы освежиться, во дворе было свежее и комфортней, чем на улице. Виноград вымачивали в ледяной воде и он был свежим и сладким на вкус.

Однако Лэй Мин не лежал на своей любимой кровати с обожаемой наложницей.

Служанок в доме не было, как и новоприобретенной младшей жены.

Кто-то лежал на его кровати, и на лице его была маска из человеческой кожи. Однако Лэй Мин знал, что это должен быть мужчина редкой красоты. Ведь человек с такими глазами не может быть некрасивым.

Сверкающие, холодные, но с отблеском горделивости.

— Никогда бы не подумал, что в таком местечке может быть ледяной погреб, — Бай Шаоцин беззаботно разлегся на благородной кровати, подперев голову рукой. — Мастер Лэй, а вы умеете получать удовольствие от жизни.

— Подчиненный не смеет. — Лэй Мин стоял, обливаясь холодным потом. Его львиный рык, известный по всему Улинь, в настоящий момент был тоньше, чем комариный писк.

— Чего вы боитесь? — За маской было не разглядеть эмоции, но голос Бай Шаоцина звучал радостно. — Я сделал вам комплимент. Сначала мне казалось, что я прибуду в жару, и никак не ожидал, что вы умеете принимать гостей.

Томные интонации мягко отражались от барабанных перепонки слушателя.

Лэй Мин вытер пот и рассмеялся:

— Это долг вашего подчиненного.

Он незаметно поднял взгляд, внимательно рассматривая этого неожиданно свалившегося на него представителя главы культа, молодого господина Бянь Фу, а затем украдкой покосился на стоявшую рядом Шуй Юнь-эр. Две служанки при мастере секты изначально были Левым и Правым Стражем культа Справедливости.

Даже если Лэй Мин не знал, какое место занимает господин Бянь Фу в секте, он должен был чувствовать ситуацию.

Потому что Страж Шуй стояла позади него и обмахивала веером.

— Господин Бянь Фу, подчиненный уже подготовил записи отделения алтаря в Цзянси, вы можете проверить.

Бай Шаоцин лениво сел, очистил виноградину и положил в рот.

— Когда я говорил, что хочу проверить?

— Разве вы здесь не для того, чтобы проверить работу отделения?

Он бросил холодный взгляд на Лэй Мина.

— Мастер Лэй, вы учите меня делать мою работу?

— Не смею, не смею!

Бай Шаоцин нахмурился.

— Выйди вон!

— Есть.

Лэй Мин ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь, когда выходил.

Бай Шаоцин спустился с благородного ложа, поспешно срывая маску из человеческой кожи. Прекрасный силуэт, еще более сладострастный, чем у главного алтаря.

— Все еще обмахиваешь? — Он повернул голову, с холодной усмешкой глядя на Шуй Юнь-эр. — Я не осмеливаюсь беспокоить великого Стража Шуй.

— Вы настоящий человек. Сердитесь на то, что я обмахиваю вас веером, — Шуй Юнь-эр покачала головой, обмахиваясь веером.

— Как я могу сердиться? Ты послана Фэн Луном присматривать за мной. Стоит сделать любое неосторожное движение, как ты заставишь меня умолять о смерти, Фэн Луну даже не придется напрягаться.

Глаза Шуй Юнь-эр повернулись и она рассмеялась.

— Так вы затаили обиду.

Бай Шаоцин кончиками пальцев поднял кусочек лежащего в углу тонкого льда, позволяя чувству прохлады проникать под его кожу. Он был на свободе уже полмесяца. Культ Справедливости оказался могущественным, со множеством талантливых людей во всех его отделениях, и строгими канонами.

Он и не думал, что статус ученика главы заставит всех замолчать, как цикад зимой. Куда бы он не пошел, везде его принимали настороженно, не смея проявить ни малейшего неуважения.

— Есть одна вещь, которую я не понимаю, — вдруг сказал Бай Шаоцин.

— Говорите.

— У тебя высокое положение в качестве Стража веры, почему же в присутствии других ты так заискиваешь передо мной? — спросил Бай Шаоцин. — Подаешь чай и приносишь воду словно обычная служанка.

Шуй Юнь-эр поджала губы и улыбнулась, тихо спросив:

— Вы не понимаете?

На лице Бай Шаоцина появилось подавленно выражение.

— Это он захотел, чтобы ты себя так вела?

— Кто, кроме него, мог бы мне это приказать? — ответила Шуй Юнь-эр. — Почему бы вам не поразмыслить, для чего он это делает?

Бай Шаоцин в задумчивости поджал губы. Его глаза ярко засветились, затем снова потемнели.

— Не хочу думать о его скрытых намерениях, — холодно произнес он.

Повернувшись кругом, он распахнул распахнул закрытую дверь в дом. Пруд по дворе ослепительно сверкал на солнце, вызывая режущую боль в глазах.

— После полудня будет комфортней, — сказал Бай Шаоцин потянувшись.

— Песни и танцы во всех публичных домах различаются, интересно, что необычного есть в Шаньси?

Этим вечером Бай Шаоцин, в компании Лэй Мина отправился на прогулку до публичного дома.

Богатые одежды и изысканная пища, ласковые речи прекрасных пташек, лучших на свете. Нужно лишь было приказать, чтобы ему все это предоставили.

Сидя среди стайки прекрасных пташек, слушая пение первой куртизанки Шаньси, Бай Шаоцин

рассеянно смотрел на пустое пространство внизу под окном.

— Человек, который обустроивал публичный дом, был мастером. Жаль, не хватает пары ив.

Длинный палец указал на пустырь.

Он выпил несколько чаш хорошего вина, преподнесенного красавицей, и незаметно для себя опьянел.

— Молодой господин, понравилась ли вам песня?

— Давай, сделай еще глоток.

— Чунь-эр отказывается, Чунь-эр тоже хочет выпить с молодым господином, как сестрица...

Бай Шаоцин никому не отказал, обнял и справа и слева. Он был дорогим гостем главы Лэя, а значит все перед ним заискивали.

— Лэй Мин, — Бай Шаоцин окликнул по имени того, кто больше десяти лет был мастером Улинь. — Давай, выпей!

— Да, молодой господин, пейте сколько хотите.

Ни в коем случае нельзя вызвать неудовольствие ученика лидера секты.

Вскинув голову, Бай Шаоцин налил еще одну чашу.

Поскольку он нетвердо держался на ногах, Лэй Мин осторожно помог ему выйти из публичного дома. На пустыре они увидели пару ив.

Земля еще была свежей, очевидно их только что посадили в спешке.

— Действительно хорошая работа, — он похлопал Лэй Мина по плечу.

Лэй Мин заискивающе улыбнулся и тихо сказал:

— Это мой долг подчиненного.

Культ Справедливости ставит сохранение тайны на первом месте, поэтому в местах скопления

людей, разумеется, лучше разговаривать шепотом.

Вернувшись на свой диван, Бай Шаоцин взмахом руки отослал Лэй Мина. Чувствуя себя немного пьяным, он все-таки не удержался от тихого вздоха.

Казалось, бесконечная печаль вытекала вместе с этим вздохом.

Он ошибся.

Он думал, что в этой поездке гильдия организует заговор, но на всем пути не было никаких происшествий. В культе Справедливости все относились к нему как к божеству, повинуюсь каждому приказу. Даже Шуй Юнь-эр была более сговорчивой, демонстрируя его высокий статус в секте.

Он думал, что посещение публичного дома заставит Фэн Луна ревновать, и что Шуй Юнь-эр, хоть и не остановит его, но при этом будет тайно наговаривать. Кто знает, сколько уже раз он напивался, но никто и слова против не сказал.

Теперь он сам стал своевольным и деспотичным мальчишкой, творящим зло с помощью репутации Фэн Луна.

Бай Шаоцин научил уму-разуму бесчисленно количество аристократической молодежи, но никак не думал, что однажды сам станет таким же.

Он перепробовал все деликатесы и наслаждался самыми лучшими удовольствиями. Не считая того, что ему не удалось навестить матушку, казалось, Фэн Лун дает ему все самое лучшее.

За полмесяца в культе Справедливости "молодой господин Бянь Фу" прославился.

Бай Шаоцин не проверял дела секты, он использовал все, что дал ему Фэн Лун, чтобы бесцеремонно сделать то, что давно хотел.

Под именем Летучей Мыши он ворвался в деревню десяти тысяч человек в Шаньдуне, и забрал у них пилюлю Лазурной Ночи, которая бережно хранилась там целый век. Под маской он провел мастеров культа Справедливости прямо в дом семьи Бай, разгромил погребальный зал Сун Сянли, и заблокировал акупунктурные точки Бай Можаня и двух его сыновей. Встав напротив них, он поджег занавеси погребального зала и смотрел на ревуший огонь, поглощающий место, в котором он вырос.

Перед уходом Бай Шаоцин прижался прямо к уху Бай Можаня и сказал:

— Ты никогда не считал меня своим сыном, но я тоже никогда не считал тебя своим отцом.

Однако отныне я единственный представитель семьи Бай. То, что Сун Сянли защищала ради своих сыновей, теперь принадлежит мне.

В глазах Бай Можаня промелькнули жесточайшее негодование и крайнее отчаяние.

Бай Шаоцин холодно взглянул на него в последний раз и вышел. Позади него пылал огонь, в котором остались его родные отец и братья.

Он убил людей, которых хотел убить, сжег то место, которое хотел сжечь, забрал все, что хотел забрать, а затем нашел самое приятно местечко, чтобы отдохнуть, прихватив с собой прекрасную, подобно цветку и нефриту, а на деле жестокую Шуй Юнь-эр, и решил провести время в развлечениях. Повсюду роскошь, будто множество звезд окружают луну, повсюду наивысшее уважение..

И все же, это не было неприятно.

Сегодня вечером, когда он выпил цветочного вина из Шаньси, нахлынуло опьянение. У него был кисло-сладкий вяжущий вкус, который невозможно описать.

После того, как он действовал по своей прихоти, осталась только пустота.

Бай Шаоцин вздохнул.

Он уже был пьян, но спать не хотелось. Побродив по комнате, он достал гуцинь.

Держа его в руках, он некоторое время пристально рассматривал инструмент, после чего его губы слегка изогнулись, будто он встретил старого друга.

Он зажег благовония, опустил цинь, несколько мгновений спокойно медитировал, а затем осторожно коснулся его кончиками пальцев.

С дрожащих струн сорвался далекий звук, закручиваясь вокруг балки на крыше. Скорбная пустота медленно заполняла комнату, мягко проплывая мимо одинокой фигуры Бай Шаоцина.

За окном вдруг возник звук сяо*, будто камень, брошенный в озеро, поднимающий рябь. Негромкий, будто шепот возлюбленного, протяжный, будто песня плакала.

*П\п: Напоминаю, что сяо - продольная флейта.

Бай Шаоцин поднял ясные глаза и нажал ладонью на струны, заглушая звук.

Звук ся тоже затих, а через мгновение и все остальные звуки.

<http://bllate.org/book/15169/1340549>